

Приезд Ленина в Петроград.
Михаил Соколов, 1937 год

Передовым этот состав был и по времени, и по сути. В нём разместились Ленин и большевики. Они рисковали очень серьёзно. Всем: и свободой, и репутацией. Можно было, конечно, сидеть в Европе, спокойно дожидаться разрешения британцев, чинно отправиться в какой-нибудь порт, месяцев через пять сесть на пароход и прибыть в Петроград к шапочному разбору. Но, зная позицию большевиков, французы и англичане вполне могли их интернировать до окончания войны, которое близким тогда вовсе не виделось.

Ленин считал в уме с бешеной скоростью. Приснопамятный Парвус вызвался попосредничать с Германией, которая счастлива была наводнить Россию активными, громкими пораженцами. Заманчиво, но прискорбно для репутации. И Ленин, схватив идею, изящным финтом подменил посредника, оседлал немецкие мечтания, да ещё серьёзно сблефовал, предложив обмен русских социалистов на германских пленных, на что у него не было и не могло быть никаких полномочий. Вагоны, в которых поедут эмигранты, договорились сделать экстерриториальными, для чего на них и вешались те самые легендарные пломбы.

С этого момента рассказа заводится грандиозная историческая шарманка: что за пломбы, сколько пломб, было — не было, выходили — не выходили и так далее и тому подобное. Поскольку пломбированный вагон мгновенно стал символом большевистского предательства и шпионажа, а Уинстон Черчилль уподобил Ленина и его

товарищей по путешествию «чумным бациллам», спор вокруг технических деталей приобрёл принципиальный характер. Карл Радек, пассажир того же поезда, заявлял, например, что никаких пломб не было, а всё ограничилось обязательством не выходить из вагонов. Есть компромиссный вариант, согласно которому печатались не все двери, а только некоторые.

Однако любопытнее всего взглянуть на быт удивительных пассажиров удивительного вагона. Вот Ленин, которому вместе с Крупской товарищи предоставляют отдельное купе. Он берёт кипу петроградских газет и залезает на верхнюю кушетку. Оттуда доносит-

Черчилль уподобил Ленина и его товарищей «чумным бациллам»

ся нервный шелест бумаги и характерные восклицания: «Вот каналы! Вот предатели!» По прочтении газет и раздате политических ярлыков тут принимают гостей, решают вопросы. В том числе как поделить единственный туалет между курящими и некурящими. В коридоре поют. Ленин выходит и присоединяется. В его репертуаре: «Нас венчали не в церкви», «Не плачьте над трупами павших бойцов»...

Перемещаемся по коридору. С какого-то момента там поперёк прочерчена линия. Это граница, потому что одно из купе экстерриториального вагона занимают немецкие офицеры, и оно, вместе с прилегающим пяточком, считается Германией.

Мигрантам туда нельзя. А что багаж? В воспоминаниях отмечалось, что большевики путешествовали очень по-русско-интеллигентски: со scarбом, подушками и, конечно, с бесчисленными связками книг. Провиант проредили ещё при выезде из Швейцарии: таможенники не позволили вывозить из страны национальное достояние — шоколад.

Самое тревожное, когда пассажиров всё-таки выводят из поезда. Но их просто пересчитывают, снова запускают в вагон и закрывают двери. Пораженчество поражённостью, но они всё-таки граждане страны-противника... Тяжёлый был момент перед погрузкой вагонов на паром, идущий в Швецию. Обычно пассажиров приглашают переночевать в гостинице. Но революционеры предложение отвергают и спят в вагонах. Только когда поезд загоняют в трюм, ленинцы выходят на палубу. Новая опасность подстерегает на границе с Финляндией. Контроль производят англичане. Могут и не пропустить. Но правдами

(«Правдами»?) и неправдами всё улаживается, в жертву приносится только Фриц Платтен, формальный организатор поездки, который добровольно соглашается вернуться в Швейцарию, а ещё в Стокгольме — австрийский подданный Карл Радек.

А потом Финляндский вокзал, броневик, Апрельские тезисы и Октябрьский переворот. И скажем по-ленински: «Чёрт с ними, с немецкими деньгами и немецкими пломбами, чёрт с ним, с Парвусом! Большевики всех надули, взяли власть и продержали её семьдесят с лишним лет». ▽

Вагон-музей Ленина (аналог) в городе Заснице, Германия. Кадры из документального фильма «Навечно в сердцах людей». ЦСДФ, 1987 год

Пломбированный вагон Ильича

Сергей Бунтман

9 апреля, когда в России был ещё март, передовой состав российской эмиграции, вздохнув облаками дыма и пара, двинулся от перрона цюрихского вокзала. Пассажиры запели «Интернационал».

